
Ксения Соболева
Измена.
Твоё кольцо
ей подошло!

Ксения Соболева

Измена. Твоё кольцо ей подошло!

«Литнет»

2026

Соболева К.

Измена. Твоё кольцо ей подошло! / К. Соболева — «Литнет», 2026

Муж подарил любовнице кольцо моей покойной матери — а потом потребовал, чтобы я сама сказала дочери, будто разрешила ему это сделать!— Твоё кольцо ей подошло. Ты же всё равно его не носила, — спокойно заявил Вадим, заслоняя собой молодую любовницу, когда я попыталась забрать украшение.Завтра мы должны были отмечать двадцать пять лет брака. Я готовила мужу сюрприз, мечтала о нашем отпуске, а вместо этого застала его с другой женщиной. С кольцом моей мамы на её пальце.Но Вадим не собирается извиняться. Он требует, чтобы я перестала позорить его перед родственниками, признала подарок добровольным и не мешала его новому счастью. А любовница уже планирует стереть с кольца имена моих родителей и выгравировать свои!Я плачу, срываюсь, не сплю ночами и до сих пор не могу поверить, что любимый муж способен на такую жестокость. Но ради возвращения кольца мне придётся сделать то, чего я никогда прежде не позволяла себе за двадцать пять лет брака.А когда Вадим соберёт всю семью, чтобы окончательно поставить меня на место, он ещё не будет знать, чьи унизительные тайны я раскрою перед всеми.

© Соболева К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. На чужой руке 5
Глава 2. Двадцать пятая годовщина 16
Глава 3. Её слушали вдвоём 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Глава 1. На чужой руке

Татьяна Руднева закончила работу почти на три часа раньше обычного и поначалу даже не знала, куда девать неожиданно освободившееся время. Клиентка, которая должна была приехать на последнюю примерку вечернего платья, позвонила около четырёх и виновато сообщила, что задержалась на работе. Татьяна предложила перенести встречу на следующий день, убрала со стола разложенную ткань и ещё некоторое время сидела возле швейной машины, раздумывая, не заняться ли другим заказом. Дел в ателье всегда хватало, особенно перед праздниками, но сегодня ей почему-то захотелось воспользоваться неожиданной свободой. Завтра исполнялось двадцать пять лет со дня их свадьбы с Вадимом, и Татьяна собиралась провести вечер дома, приготовить что-нибудь вкусное и наконец спокойно поговорить с мужем о предстоящей поездке. Последние месяцы они виделись преимущественно за завтраком и поздним ужином, а на выходных Вадим то уезжал по делам, то подолгу разговаривал по телефону. Она уже несколько раз пыталась предложить выбраться куда-нибудь вдвоём, но каждый раз получала неопределённые обещания. Теперь ей хотелось устроить маленький праздник, пусть даже муж в последнее время и не проявлял особенного интереса к годовщине.

Закрыв ателье, Татьяна заглянула в кондитерскую возле остановки и купила любимые пирожные Вадима с заварным кремом. Продавщица аккуратно уложила их в картонную коробку, перевязала ленточкой и предложила выбрать ещё что-нибудь, но Татьяна отказалась. Дома оставались продукты для ужина, а завтрашнее меню она уже продумала до мелочей. В сумке лежала сложенная праздничная скатерть, которую она утром забрала из химчистки, и небольшой свёрток с новыми салфетками. Татьяна сама удивлялась, сколько удовольствия доставляют ей эти приготовления, хотя прежде не слишком любила возиться с праздничным столом ради двух человек. Возможно, дело было в самой дате. Двадцать пять лет казались ей чем-то настолько значительным, что хотелось непременно отметить их, даже если Вадим снова скажет, что все эти годовщины придуманы женщинами.

В автобусе она достала телефон и открыла переписку с мужем. Последним его сообщением за сегодняшний день было короткое уведомление о том, что он задержится на работе, но Татьяна пролистала выше, до разговора трёхдневной давности. Тогда Вадим неожиданно вспомнил о кольце, которое принадлежало её матери, и сам предложил отнести его ювелиру. Украшение давно требовало небольшой переделки: после сорока Татьяна заметно поправилась, пальцы стали полнее, и кольцо, прежде сидевшее свободно, теперь неприятно сдавливало кожу. Она несколько месяцев хранила его в коробочке с остальными украшениями, всё собираясь выбрать время для мастерской, но постоянно находились дела поважнее. Вадим предложил заняться этим сам, а позднее написал: «Тань, договорился с мастером. Отнесу во вторник, к годовщине всё сделают». Тогда она даже перечитала сообщение дважды, настолько непривычным показалось его внимание к подобным мелочам.

Кольцо было особенно дорого ей после смерти матери. Небольшой светлый камень в старой золотой оправе, тонкий узор по бокам, немного стёршийся за десятилетия, и крошечная гравировка на внутренней стороне — инициалы родителей и дата их свадьбы. Татьяна помнила это украшение столько, сколько помнила саму мать. В детстве она любила рассматривать камень, когда мама садилась рядом и помогала ей с домашним заданием, а однажды даже попросила разрешения примерить кольцо. Оно тогда свободно болталось на маленьком пальце, и мать, смеясь, предупредила, чтобы дочь не потеряла его. В день свадьбы с Вадимом она сама надела украшение Татьяне на руку, сказав, что хочет передать ей вещь, которую носила почти всю свою взрослую жизнь. После смерти матери Татьяна особенно берегла кольцо и иногда надевала его просто дома, когда очень хотелось почувствовать рядом что-нибудь связанное с ней.

Она вспомнила, как три дня назад доставала коробочку из шкафа и передавала украшение Вадиму. Муж стоял возле комода, торопился по каким-то делам и нетерпеливо ждал, пока она отыщет нужное отделение. Татьяна тогда сама обняла его за шею, поблагодарила и поцеловала в щёку, а он, чуть отстранившись, сказал, что ничего особенного не сделал. Она даже обиделась на его сухость, но сразу же решила не портить хороший момент. В конце концов, Вадим никогда не отличался особенной нежностью в словах, зато умел проявлять внимание поступками. По крайней мере, раньше Татьяна привыкла думать именно так.

На остановке возле дома она вышла с тяжёлой сумкой, поправила съехавший шарф и неторопливо направилась к подъезду. Было уже темно, с утра шёл мелкий снег, превративший дорожки в скользкую кашу, и ей пришлось осторожно обходить заледеневшие участки. Несколько раз Татьяна хотела позвонить мужу и сообщить, что вернётся раньше, но в итоге решила сделать сюрприз. Вадим мог ещё находиться на работе, хотя иногда приезжал домой около шести, особенно если не было вечерних встреч. Она представила, как он войдёт, почувствует запах жареного мяса и увидит накрытый стол, и невольно улыбнулась. Ей очень хотелось, чтобы хотя бы сегодня они провели вечер без привычных разговоров о работе, счетах и бытовых мелочах.

Поднимаясь на лифте, Татьяна достала ключи и заранее приготовила их в руке. На площадке было тихо, только из соседней квартиры доносились голоса телевизора. Она открыла дверь, вошла в прихожую и сразу заметила, что дома кто-то есть. На крючке висело пальто Вадима, под зеркалом стояли его ботинки, а рядом лежали женские сапоги из светлой кожи, которых Татьяна прежде не видела. Она остановилась, не успев снять собственную обувь, и несколько секунд разглядывала чужие вещи. Вадим иногда приводил коллег, но обычно предупреждал об этом заранее, да и женщины среди его гостей бывали редко. Татьяна решила, что к нему, возможно, приехала кто-нибудь с работы, и почувствовала лёгкое раздражение оттого, что теперь придётся убирать приготовленные для завтрашнего вечера вещи и изображать гостеприимную хозяйку.

Из кухни донёсся женский смех, а следом за ним знакомый голос мужа. Он говорил негромко, почти ласково, и Татьяна невольно замерла, потому что давно не слышала от него такой интонации. Разобрать слова она не смогла, но женщина ответила что-то шутливое, и Вадим тоже рассмеялся. Татьяна поставила сумку возле тумбочки, сняла шарф и пошла по коридору, уже собираясь спросить, кого это они принимают без предупреждения. На пороге кухни она остановилась так резко, что едва не задела плечом дверной косяк.

За столом сидела молодая женщина в светлом свитере и тёмных брюках. Её пиджак был небрежно перекинут через спинку стула, длинные каштановые волосы свободно падали на плечи, а перед ней стояла чашка из любимого чайного сервиза Татьяны. Вадим находился рядом, чуть наклонившись к гостье, и держал ладонь на её плече. Когда Татьяна появилась в дверях, он как раз собирался что-то сказать и не сразу заметил жену. Молодая женщина подняла голову первой, и улыбка постепенно исчезла с её лица. Татьяна узнала Алину Корнееву, сотрудницу компании, в которой работал Вадим. Они встречались несколько месяцев назад на корпоративном празднике, и тогда девушка показалась ей вполне обычной, немного шумной и очень уверенной в себе.

— Вадим, у нас гости? — спросила Татьяна, переводя взгляд с женщины на мужа. Она почувствовала, как неудобно стоит в дверях, всё ещё держа в руке ключи, и машинально спрятала их в карман. — Ты мог бы предупредить меня, я бы хоть что-нибудь купила к чаю. А то у нас, кажется, даже печенья нет.

Вадим резко выпрямился и убрал руку с плеча Алины. Его лицо изменилось, хотя он почти сразу попытался вернуть привычное спокойное выражение. Татьяна заметила это движение, но ещё не успела понять, почему оно ей не понравилось. Муж посмотрел на часы, затем

на её пальто и спросил, почему она так рано приехала. Вопрос прозвучал не как радостное удивление, а почти как претензия, и Татьяна нахмурилась.

— Клиентка отменила примерку, вот я и освободилась, — объяснила она, чувствуя, что почему-то начинает оправдываться. — А ты разве не собирался задерживаться? Мне казалось, ты сегодня до восьми на работе.

— Освободился раньше, — коротко ответил Вадим и отодвинулся от стола. Он не предложил жене пройти, не улыбнулся и даже не попытался объяснить присутствие Алины. — Мы тут разговариваем по одному делу. Ты бы пока переоделась, что ли.

Татьяна посмотрела на мужа с недоумением, потом снова перевела взгляд на гостью. Та сидела неподвижно, но уже не выглядела смущённой. Напротив, в её лице появилось какое-то настороженное любопытство, словно она ожидала увидеть определённую реакцию и теперь внимательно следила за происходящим. Татьяне стало неприятно от этого взгляда. Она уже собиралась спросить, по какому именно делу они разговаривают дома, когда Алина подняла руку и поправила выбившуюся прядь волос.

Золотое кольцо блеснуло под кухонной лампой, и Татьяна замолчала на полуслове. Сначала она увидела светлый камень, затем узнала характерный изгиб оправы и маленький узор сбоку. Украшение сидело на безымянном пальце Алины, словно та носила его уже много лет. Татьяна несколько секунд смотрела на чужую руку, пытаясь осмыслить увиденное, а потом сделала шаг ближе к столу. Сердце неожиданно забилось так сильно, что она почувствовала удары где-то у самого горла.

— Подожди, — произнесла Татьяна и протянула руку в сторону Алины. Девушка сразу опустила ладонь на колени, но Татьяна уже успела рассмотреть кольцо достаточно хорошо. — Покажи мне руку, пожалуйста. Что у тебя на пальце?

Алина посмотрела на Вадима, явно ожидая, что тот вмешается. Муж нахмурился и сделал шаг навстречу жене, стараясь оказаться между ней и гостьей. Татьяна заметила это движение, но пока ещё не понимала его смысла. Ей казалось, что произошла какая-то невероятная путаница, которую сейчас обязательно объяснят.

— Таня, давай без этого, — сказал Вадим, стараясь говорить ровно. Он посмотрел на жену с тем выражением, которое обычно появлялось у него, когда она задавала неудобные вопросы при посторонних. — Сейчас не самое подходящее время для выяснения отношений.

— Каких отношений? — переспросила Татьяна, чувствуя, как холодеют пальцы. Она снова посмотрела на Алину, затем на мужа и уже громче повторила: — Вадим, это мамино кольцо? То самое, которое ты забрал к ювелиру?

Муж отвёл глаза, и этого оказалось достаточно, чтобы последние сомнения исчезли. Татьяна опёрлась ладонью о спинку ближайшего стула, потому что ноги неожиданно стали непослушными. Она ещё могла представить, что Алина случайно надела похожее украшение, но не могла придумать объяснения тому, почему Вадим не ответил сразу. В кухне было тепло, на плите стоял чайник, от чашек поднимался лёгкий пар, и эта обыденность делала происходящее особенно страшным. Татьяна смотрела на мужа, с которым прожила почти четверть века, и ждала, когда он наконец скажет что-нибудь вразумительное.

— Да, это твоё кольцо, — ответил Вадим после неприятной паузы. Он пожал плечами, словно речь шла о какой-то забытой безделушке. — И что теперь? У тебя оно всё равно лежало без дела.

Татьяна почувствовала, как к лицу приливает кровь. Она ещё раз посмотрела на Алину, на украшение, которое та теперь старалась незаметно прикрыть другой рукой, и внезапно поняла, что всё гораздо хуже, чем ей хотелось думать. Незнакомые сапоги в прихожей, пальто на крючке, ласковый голос мужа и ладонь на чужом плече сложились в одну совершенно очевидную картину. Татьяна отступила на шаг и посмотрела Вадиму прямо в глаза.

— Что здесь происходит? — спросила она уже другим голосом, не узнавая собственного звучания. — Почему моё кольцо у неё? Вадим, я тебя спрашиваю, что у вас происходит?!

Муж тяжело вздохнул и провёл ладонью по лицу. Он выглядел человеком, которого оторвали от важного дела и заставили заниматься неприятными объяснениями. Татьяна слишком хорошо знала это выражение: прежде он точно так же реагировал, когда она напоминала ему о невыполненном обещании или просила уделить время семейным делам. Только сейчас она впервые почувствовала, насколько чужим стало его лицо.

— Таня, я собирался с тобой поговорить, — сказал Вадим, отодвигая стул. Он сел, словно решил, что стоять во время предстоящего разговора слишком утомительно. — У нас с Алиной отношения. Уже некоторое время. Я понимаю, что тебе неприятно это слышать, но лучше сказать сейчас, чем продолжать делать вид, будто всё нормально.

Татьяна уставилась на него, ожидая продолжения. Вадим произнёс страшные для неё слова почти буднично, а затем потянул к себе чашку, которая стояла возле его локтя. Она увидела, что он собирается пить чай, и почему-то именно это окончательно лишило её способности сохранять спокойствие. Он сидел за их столом, рядом находилась другая женщина с маминым кольцом на пальце, а Вадим собирался спокойно допить свой чай.

— Отношения? — переспросила Татьяна и нервно рассмеялась, хотя ей совсем не было смешно. Она шагнула к столу и опёрлась о него обеими ладонями. — Какие ещё отношения, Вадим? Ты мой муж! Мы завтра двадцать пять лет как женаты, а ты приводишь сюда какую-то девицу и сообщаешь мне, что у вас отношения?!

Алина заметно выпрямилась на стуле. До сих пор она почти не участвовала в разговоре, но слово «девица» ей явно не понравилось. Татьяна увидела, как та поджала губы, и почувствовала новый прилив злости. Ей хотелось спросить, как эта женщина вообще посмела войти в её дом, сесть на её кухне и надеть украшение, которое принадлежало её матери. Но Вадим ответил раньше, чем она успела произнести следующий вопрос.

— Не надо оскорблять Алину, она тебе ничего плохого не сделала, — сказал он, положив ладони на стол. Его голос стал заметно жёстче. — И перестань кричать. Если бы ты дала мне нормально объяснить, всё было бы гораздо проще.

— Проще для кого? — Татьяна сорвалась на крик и тут же почувствовала, как болезненно сжалось горло. Она не пыталась больше скрывать слёзы, которые выступили на глазах. — Для тебя? Для неё? Ты привёл любовницу в нашу квартиру, надел на неё кольцо моей матери и теперь объясняешь мне, что я должна вести себя нормально?!

Вадим раздражённо откинулся на спинку стула. Татьяна заметила, что он не выглядит виноватым, и от этого ей стало ещё хуже. За все годы брака они много раз ссорились, иногда не разговаривали по нескольку дней, но она никогда не видела, чтобы муж так спокойно наблюдал за её слезами. Она пыталась найти в его лице хоть что-нибудь знакомое и не находила. Перед ней сидел человек, который уже всё решил и теперь был недоволен тем, что она не хочет согласиться с его решением.

— Наш брак давно перестал быть нормальным, — продолжил Вадим, выдержав паузу. Он говорил уверенно, словно неоднократно повторял эти слова и теперь воспроизводил заранее приготовленное объяснение. — Мы с тобой последние годы живём как соседи. Ты занята своим ателье, я работой, мы практически никуда не ходим вместе. Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь притворяться, что меня это устраивает.

Татьяна невольно вспомнила, сколько раз за последний год предлагала ему провести выходные вдвоём. Он отказывался от поездок, переносил походы в кино, жаловался на усталость, а однажды даже рассердился, когда она предложила выбраться на несколько дней за город. Ей захотелось перечислить всё это прямо сейчас, заставить его вспомнить собственные слова, но мысли путались, и она не могла выбрать, с чего начать. Вадим смотрел на неё с таким видом, будто ждал окончания неприятной формальности.

— Я тебя просила, Вадим, — заговорила она, хватая воздух между словами. — Я же сколько раз просила тебя хотя бы в выходные куда-нибудь сходить! Ты говорил, что устал, что тебе некогда, что у тебя работа. Я думала, у тебя действительно тяжёлый период, старалась лишний раз не трогать. А ты, оказывается, всё это время с ней встречался?!

Муж поморщился и отвёл взгляд к окну. Он явно не собирался обсуждать каждый случай, который вспоминала жена, и предпочёл ответить на всё сразу. Татьяна видела, как он раздражается от её слёз, и никак не могла заставить себя замолчать.

— Не начинай опять перечислять, кто кому что должен, — произнёс Вадим, поднимаясь со стула. Он поправил рукав рубашки и посмотрел на часы, словно разговор уже отнял слишком много времени. — Да, я встречаюсь с Алиной. Она мне нравится, мне с ней хорошо. Я хотел сказать тебе об этом после годовщины, чтобы не устраивать лишних сцен. Теперь, как видишь, всё выяснилось раньше.

— После годовщины? — Татьяна несколько секунд смотрела на него, пытаясь поверить услышанному. Затем она резко повернулась к столу, на котором лежала коробка с конфетами, купленная Вадимом на прошлой неделе. — Ты собирался завтра сидеть со мной за одним столом, принимать поздравления от Даши, а потом сообщить, что уходишь к любовнице? Ты вообще понимаешь, что говоришь?!

— Таня, мы взрослые люди, — ответил он, недовольно повышая голос. Его терпение явно подходило к концу. — Давай не будем превращать расставание в спектакль. У тебя есть своя работа, взрослая дочь, квартира, деньги. Ты не останешься на улице, и не надо делать вид, будто у тебя сейчас вся жизнь закончилась.

Татьяна отшатнулась, словно он действительно ударил её. Она смотрела на мужа, вспоминая, как двадцать пять лет назад они снимали крошечную квартиру, как покупали первую мебель, как она стояла в роддоме с новорождённой Дашей на руках, а Вадим растерянно улыбался ей через стекло. Они переживали болезни, нехватку денег, семейные ссоры, усталость и бесконечные бытовые хлопоты. Татьяна не считала их жизнь идеальной, но всё это время была уверена, что они остаются семьёй. Теперь Вадим перечислял её работу, квартиру и взрослую дочь так, словно заранее убедился, что ничего страшного с женой не случится, если он просто уйдёт.

Алина осторожно взяла чашку, но так и не поднесла её к губам. Она смотрела на Вадима с заметным напряжением, однако вмешиваться не спешила. Татьяна снова увидела кольцо на её пальце, и всё остальное на мгновение отступило. Она могла понять, что муж разлюбил её, хотя от этой мысли хотелось кричать. Могла представить, что он встретил другую женщину и решил уйти. Но совершенно не понимала, как ему пришло в голову отдать любовнице вещь, принадлежавшую её умершей матери.

— Сними кольцо, — сказала Татьяна, обращаясь прямо к Алине. Она выпрямилась и протянула раскрытую ладонь. — Немедленно сними его и отдай мне. Это кольцо моей мамы, и я никому не разрешала его брать.

Алина посмотрела на неё, затем на Вадима. В её лице мелькнуло удивление, которое почти сразу сменилось недовольством. Она явно ожидала, что мужчина сам решит возникшую проблему, и не собиралась уступать только потому, что жена повысила голос. Татьяна заметила, как девушка незаметно подтянула рукав свитера, частично прикрывая украшение.

— Вадим сказал, что это семейное кольцо и что ты сама разрешила ему его забрать, — ответила Алина, стараясь говорить спокойно. Она чуть отодвинулась вместе со стулом, сохраняя расстояние между собой и Татьяной. — Я не знала, что вы из-за него будете так ссориться.

— Семейное? — Татьяна почувствовала, как её снова начинает трясти. Она повернулась к мужу и указала на Алину дрожащей рукой. — Ты сказал ей, что я сама разрешила? Вадим, ты же сам предложил отнести его в ремонт! Ты сказал, что сделаешь мне подарок к годовщине!

Я благодарила тебя, как последняя дура, а ты в это время собирался подарить мамино кольцо своей любовнице?!

Вадим сжал губы. Он уже понял, что прежним объяснением отделаться не удастся, но признавать себя виноватым не собирался. Вместо ответа он снова попытался перевести разговор на состояние жены, которое с каждой минутой становилось всё хуже. Татьяна увидела, как он посмотрел на Алину, словно предлагая ей убедиться, насколько тяжело с такой женщиной разговаривать.

— Я хотел сделать приятное Алине, — сказал он наконец, и в голосе его прозвучало откровенное раздражение. — У тебя это кольцо лежало в коробке, ты его давно не носила. Я подумал, что ничего страшного не случится, если оно достанется человеку, которому действительно подходит. Твоё кольцо ей подошло, Таня. Я не понимаю, почему ты устраиваешь такую трагедию из-за обычного украшения.

Татьяна несколько секунд не могла произнести ни слова. Ей хотелось подойти и ударить мужа по лицу, но вместо этого она с такой силой сжала край стола, что побелели пальцы. Вадим спокойно стоял перед ней, не испытывая, по-видимому, ни малейшего смущения. Он действительно считал, что имеет право решить судьбу чужой вещи, а теперь удивлялся, что жена не желает радоваться его щедрости. Татьяна вспомнила мамины руки, её тихий смех, последние месяцы болезни, когда та уже почти не вставала с кровати, и почувствовала такую острую обиду, что на мгновение перестала видеть лица стоявших перед ней людей.

— Обычного украшения? — переспросила она, с трудом справляясь с дыханием. Слёзы уже текли по щекам, и Татьяна даже не пыталась вытирать их. — Мама носила его всю жизнь, Вадим! Ты сам был на её похоронах, ты видел, как я потом собирала её вещи. Ты знаешь, что у меня от неё осталось, и всё равно взял это кольцо, чтобы подарить своей любовнице? За что ты так со мной?

Муж отвернулся, словно ему наскучили воспоминания, и принялся застёгивать часы, которые до этого лежали на столе. Он не ответил на последний вопрос, зато Алина внезапно заговорила, и Татьяна резко повернулась к ней. Молодая женщина уже успела справиться с первоначальным смущением. Она не смотрела на кольцо и теперь явно больше беспокоилась о собственном положении, чем о переживаниях хозяйки квартиры.

— Я не хотела никого обижать, — произнесла Алина, поправляя волосы. Она говорила осторожно, однако в её голосе уже слышалась досада. — Вадим подарил мне кольцо, я его приняла. Если у вас с ним какие-то недоговорённости, решайте их между собой, пожалуйста. Я не собираюсь отвечать за ваши семейные проблемы.

Татьяна недоверчиво уставилась на девушку. Её поразило не столько содержание сказанного, сколько уверенность, с которой Алина отделяла себя от происходящего. На её пальце находилось кольцо матери Татьяны, перед ней стояла женщина, требовавшая вернуть собственную вещь, а Алина продолжала говорить о каких-то недоговорённостях. Татьяна сделала шаг к ней и снова протянула руку.

— Ты сейчас же снимешь моё кольцо, — потребовала она, уже не стараясь сдерживать голос. — Я не знаю, что он тебе наговорил, и знать не хочу. Теперь ты слышала от меня, кому оно принадлежит. Отдавай его и убирайся из моего дома!

Алина резко поднялась со стула. Она инстинктивно спрятала руку с кольцом за спину, и этот жест окончательно лишил Татьяну самообладания. Та потянулась к её запястью, намереваясь заставить показать украшение, но не успела даже коснуться кожи. Вадим схватил жену за руку чуть выше кисти и с силой отдёрнул от Алины. Татьяна вскрикнула от неожиданности, попыталась освободиться, однако муж удерживал её достаточно крепко.

— Не смей её трогать! — резко произнёс он, заслоняя любовницу плечом. Его лицо покраснело, и он впервые за весь разговор выглядел по-настоящему разгневанным. — Ты

совсем себя не контролируешь? Собираешься на человека набрасываться из-за какой-то железки?!

Татьяна уставилась на его руку, сжимавшую её запястье. В первые секунды она даже не почувствовала боли, настолько невероятным показалось само происходящее. Муж, который почти двадцать пять лет был рядом, сейчас защищал от неё любовницу, носившую украшение её матери. Он держал жену так, словно она представляла опасность, а Алина стояла за его спиной и смотрела на происходящее с испуганным, но уже не таким растерянным лицом. Татьяна попыталась выдернуть руку ещё раз, и Вадим только сильнее сжал пальцы.

— Отпусти меня! — закричала она, ударив его свободной ладонью по предплечью. От унижения ей хотелось одновременно плакать и кричать ещё громче. — Вадим, немедленно отпусти! Ты с ума сошёл? Это мой дом, моё кольцо, а ты меня ещё и хватаешь?!

Он отпустил её так резко, что Татьяна отступила назад и задела край стола. Чашка опрокинулась, горячий чай растёкся по скатерти, а ложечка упала на пол с неприятным металлическим звоном. Татьяна машинально посмотрела на пятно, потому что ещё утром сама разглаживала эту скатерть после стирки. Обычно она сразу побежала бы за тряпкой, испугавшись, что жидкость доберётся до деревянной поверхности, но теперь даже не пошевелилась. Вадим недовольно отодвинул стул, спасая лежавший на нём пиджак от пролитого чая.

— Посмотри, что ты устроила, — произнёс он, подхватывая пиджак. На лице его появилось знакомое выражение усталого превосходства. — Я хотел поговорить нормально, но с тобой совершенно невозможно. Ты всегда всё превращаешь в скандал.

Татьяна опустила взгляд на покрасневшее запястье, затем подняла глаза на мужа. Ей хотелось спросить, когда именно он собирался говорить нормально: пока ласкал другую женщину на их кухне или когда сообщал ей о конце двадцатипятилетнего брака. Но вместо этого она вдруг громко рассмеялась, хотя смех получился нервным и почти сразу перешёл в рыдания. Вадим поморщился и отвернулся. Его раздражение росло, а она всё отчётливее понимала, что он не собирается извиняться ни за кольцо, ни за любовницу, ни даже за то, что только что сделал ей больно.

— Убирайтесь, — сказала Татьяна, пытаясь вытереть лицо рукавом. Она стояла возле стола, чувствуя, как дрожат колени. — Уходите оба. Я не хочу вас видеть, слышишь? Забирай свою любовницу и уходи из моего дома.

Алина быстро взяла со стула пиджак. Она явно обрадовалась возможности закончить неприятную сцену и уже направилась к выходу, когда Татьяна снова посмотрела на её руку. Кольцо по-прежнему находилось там, где было несколько минут назад. Татьяна почувствовала, что сейчас снова сорвётся, и поспешно шагнула к двери, преграждая дорогу.

— А кольцо? — спросила она, глядя на Вадима. Голос её стал хриплым от крика, но она всё равно заставила себя повторить: — Вы уйдёте, а мамино кольцо она так и унесёт? Вадим, скажи ей, чтобы сняла его.

Муж подошёл к Алине и осторожно взял её под локоть. Татьяна увидела этот жест и почувствовала новую волну боли: он касался любовницы бережно, почти ласково, словно старался успокоить после пережитого. С ней самой он больше не церемонился. Вадим посмотрел на жену, затем на её покрасневшее лицо и тяжело вздохнул.

— Сейчас мы ни о чём договариваться не будем, — заявил он, уже направляясь к коридору. В его голосе звучала холодная уверенность человека, который считает разговор законченным. — Когда успокоишься, тогда и обсудим. Я не собираюсь заставлять Алину снимать подарок только потому, что ты устроила здесь истерику.

— Вадим, это не подарок! — Татьяна пошла за ним, чувствуя, что снова готова разрыдаться. Она с трудом сдержалась, чтобы не ухватить его за рукав. — Ты украл его у меня! Ты сказал, что отнесёшь к ювелиру, а сам отдал ей. Как ты вообще можешь называть это подарком?!

Он резко остановился и обернулся. На секунду Татьяне показалось, что наконец удалось заставить его задуматься, но Вадим лишь недовольно покачал головой. Он явно считал её слова намеренным оскорблением и теперь собирался поставить жену на место.

— Следи за выражениями, — произнёс он, понизив голос. — Я ничего у тебя не крал. Мы двадцать пять лет живём вместе, у нас общая семья, общие вещи. Не надо теперь изображать, будто я какой-то посторонний человек, который залез к тебе в шкатулку.

Татьяна открыла рот, чтобы ответить, но на мгновение растерялась. Она вспомнила, как Вадим сам предложил забрать кольцо, как стоял перед ней с протянутой ладонью, ожидая, пока она достанет коробочку, и как она радостно благодарила его. Всё происходило настолько открыто, что ей даже в голову не пришло сомневаться в его намерениях. Теперь он использовал их долгий брак как объяснение собственного права распоряжаться её памятью. Татьяна почувствовала, что ещё немного — и она окончательно потеряет способность говорить без слёз.

— Общая семья? — переспросила она, прижимая ладонь к груди. Голос дрожал, и каждое слово давалось с усилием. — Значит, у нас общая семья, когда тебе понадобилось мамино кольцо, а когда ты захотел другую женщину, семьи уже нет? Вадим, ты хоть сам слышишь, что говоришь?

Муж не ответил. Он взял с крючка своё пальто, помог Алине надеть её пиджак и принялся обуваться, стараясь не смотреть на жену. Татьяна стояла в коридоре, чувствуя себя совершенно беспомощной. Ей хотелось остановить его, потребовать ответа, закричать ещё раз, но одновременно она испытывала такое отвращение к происходящему, что не могла заставить себя прикоснуться к нему. Алина уже натянула сапоги и поправляла волосы перед зеркалом, проверяя, не растрепались ли они во время ссоры. Увидев в отражении взгляд Татьяны, она поспешно опустила голову.

— Я правда не думала, что всё так получится, — произнесла Алина, не поворачиваясь. Она бросила короткий взгляд на Вадима, словно ожидая поддержки. — Мне сказали, что вы давно всё решили. Я не собиралась никого обижать.

Татьяна посмотрела на девушку и почувствовала, как её снова охватывает злость. Она уже не могла поверить ни одному её слову. Даже если раньше Алина действительно считала кольцо добровольным подарком, теперь ей всё объяснили, и она продолжала держать чужую вещь при себе. Татьяна увидела, как та осторожно подтянула рукав, прикрывая украшение, и едва удержалась от нового крика.

— Тогда оставь кольцо, — попросила она, сама удивившись тому, насколько жалко прозвучал её голос. Ей было невыносимо унижаться перед этой женщиной, но ещё страшнее было представить, что кольцо сейчас исчезнет за дверью. — Просто сними и оставь. Всё остальное меня сейчас не интересует.

Алина снова посмотрела на Вадима. Тот уже держал в руке ключи от машины и явно собирался уходить. Несколько секунд девушка колебалась, затем отрицательно покачала головой и спрятала руку в карман пальто. Татьяна почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Она не могла поверить, что после всего сказанного Алина действительно решила уйти с украшением её матери.

— Мы потом разберёмся, — ответил Вадим вместо любовницы и открыл входную дверь. Он говорил с такой уверенностью, будто имел право назначать время, когда жена сможет получить обратно собственную вещь. — Я тебе позвоню, когда ты придёшь в себя. И очень прошу, Таня, не начинай сейчас обзванивать всех родственников. Давай хотя бы расстанемся по-человечески.

Последние слова заставили Татьяну задохнуться от возмущения. Она хотела спросить, что именно он считает человеческим отношением после сегодняшнего вечера, но Вадим уже вывел Алину на площадку. Несколько секунд Татьяна смотрела на мужа, надеясь, что тот обернётся, хотя бы попытается объяснить, что будет дальше. Он только поправил воротник пальто

и нажал кнопку лифта. Алина стояла рядом, прижимая к себе сумочку, и старательно не смотрела в сторону открытой двери.

— Вадим! — позвала Татьяна, сделав шаг на площадку. Слёзы снова покатились по щекам, но она уже не пыталась их скрывать. — Ты же знаешь, как мама любила это кольцо! Пожалуйста, не делай так. Верни хотя бы его!

Лифт открылся, и муж коротко обернулся. Татьяна заметила, что он недоволен её появлением на площадке: соседняя дверь могла в любой момент открыться, а ему явно не хотелось лишних свидетелей. Он молча подтолкнул Алину к кабине и вошёл следом. Перед тем как двери сомкнулись, Вадим ещё раз посмотрел на жену, но не произнёс ни слова. Татьяна осталась стоять возле собственной квартиры, босыми ногами чувствуя холод плиточного пола.

Она не сразу вернулась внутрь. За соседней дверью кто-то прошёл по коридору, послышался звук включённого телевизора, и Татьяна вдруг поняла, что стоит на площадке в домашних тапочках, с распущенными волосами и заплаканным лицом. Ей стало мучительно стыдно, хотя она не могла бы объяснить, перед кем и за что. Она поспешно закрыла дверь, повернула замок и несколько секунд стояла, прижавшись спиной к прохладной поверхности. Потом медленно пошла на кухню, всё ещё надеясь, что каким-то невероятным образом обнаружит там знакомую коробочку с кольцом.

На столе осталась разлитая чайная лужица. Одна чашка лежала на боку, ложка валялась возле ножки стула, а на спинке соседнего стула висело кухонное полотенце, которым Вадим иногда вытирал руки. Татьяна подняла ложку, поставила чашку в раковину и машинально потянулась за тряпкой. Она успела промокнуть часть пролитого чая, прежде чем поняла, что всё это время плачет. Тогда она бросила мокрую тряпку обратно на стол и опустилась на стул, где совсем недавно сидела Алина.

Татьяна смотрела на пустую чашку и никак не могла привыкнуть к тому, что муж действительно ушёл. Он забрал любовницу, оставил ей кольцо и даже не подумал спросить, что будет делать жена после такого разговора. Ей захотелось позвонить ему, заставить вернуться, потребовать хотя бы человеческого объяснения, но стоило вспомнить, как Вадим заслонял Алину и сжимал её запястье, как желание сразу исчезло. Она подняла руку и увидела красные следы пальцев, уже начинавшие бледнеть. Ещё утром Татьяна думала о том, какой ужин приготовить на годовщину, а теперь сидела на кухне и рассматривала следы от руки собственного мужа.

Она вспомнила купленные пирожные и пошла в прихожую за сумкой. Коробка немного помялась, но осталась целой, и Татьяна осторожно поставила её на стол рядом с чашками. Ленточка развязалась, крышка приподнялась, открывая ровный ряд пирожных с кремом. Вадим любил именно такие и всегда просил покупать их, когда Татьяна возвращалась мимо кондитерской. Она смотрела на сладости, представляя, как ещё несколько часов назад радовалась возможности поужинать вместе, и вдруг почувствовала такую обиду, что резко захлопнула коробку. Бумажный край смялся, одно пирожное перевернулось, и крем испачкал внутреннюю сторону крышки.

Следом она достала праздничную скатерть. Белая ткань была аккуратно сложена, салфетки лежали в отдельном свёртке, а к упаковке прикрепили маленькую бирку из химчистки. Татьяна провела ладонью по ткани, вспоминая, как выбирала её несколько лет назад вместе с матерью. Тогда они долго спорили о рисунке, потому что мама считала скатерть слишком светлой для ежедневного использования, а Татьяна уверяла, что будет доставать её только по праздникам. В конце концов мать согласилась и даже помогла подобрать салфетки. Теперь эти вещи лежали перед ней, и Татьяна впервые за весь вечер почувствовала, что действительно осталась без мамы и без мужа, которому ещё утром доверяла.

Она прижала скатерть к груди и разрыдалась. Ей было сорок пять лет, за плечами оставались двадцать пять лет брака, а она сидела на кухне и не понимала, что теперь делать с соб-

ственной жизнью. Татьяна никогда не считала себя особенно слабой женщиной. Она работала, зарабатывала деньги, растила дочь, умела решать бытовые проблемы и привыкла держать себя в руках даже тогда, когда всё шло не по плану. Но сейчас никакие привычные решения не помогали. Ей хотелось только одного: чтобы Вадим вернулся, сказал, что всё произошедшее было каким-то страшным недоразумением, и отдал кольцо.

Татьяна взяла телефон и снова открыла переписку с мужем. Сообщение о ювелире оставалось на месте, между привычными разговорами о продуктах, счетах и времени возвращения домой. Она несколько раз перечитала его, затем пролистала выше и нашла фотографию, которую отправляла Вадиму в прошлом месяце. На снимке была старая семейная открытка с поздравлением родителей, обнаруженная среди маминых бумаг. Тогда муж ответил коротким смайликом, а Татьяна решила, что он просто занят на работе. Теперь ей хотелось спросить, когда именно он начал встречаться с Алиной и сколько времени она сама прожила рядом с человеком, который уже собирался уйти.

Она набрала сообщение, потом стёрла написанное. Несколько раз начинала снова, пытаясь подобрать слова, которые заставят Вадима понять, как жестоко он поступил, но каждое новое предложение казалось ей жалким. Татьяна хотела написать о маме, о двадцати пяти годах брака, о том, как благодарила его за заботу. Затем вспомнила лицо Алины и то, как та прикрывала кольцо рукавом, и вместо длинного объяснения отправила только одну просьбу: «Верни мне мамино кольцо. Я тебя очень прошу».

Сообщение было доставлено почти сразу. Татьяна смотрела на экран, ожидая ответа, хотя прекрасно понимала, что Вадим может вообще не захотеть разговаривать. Через несколько минут рядом с сообщением появилась отметка о прочтении, но больше ничего не произошло. Она положила телефон на стол, поднялась и пошла в спальню, потому что оставаться на кухне стало невыносимо. В комнате всё выглядело по-прежнему: покрывало на кровати, его зарядное устройство возле розетки, две подушки, фотография с Дашиного выпускного на комоде. Татьяна села на край постели, коснулась ладонью свободной половины и внезапно поняла, что не знает, вернётся ли Вадим сегодня за остальными вещами.

На комоде стояла небольшая деревянная шкатулка. Татьяна открыла её и увидела пустое отделение, в котором прежде лежало мамино кольцо. Рядом находились серьги, старая брошь, цепочка с потемневшим замком и несколько дешёвых украшений, которые она давно собиралась перебрать. Ей захотелось найти кольцо среди них, словно всё увиденное на кухне могло оказаться ошибкой. Она даже провела пальцами по бархатному дну отделения, а потом закрыла шкатулку и отодвинула от себя. Теперь ей снова вспомнилось, как Вадим брал украшение из её рук, и Татьяна почувствовала такой сильный приступ тошноты, что поспешила выйти из спальни.

Телефон зазвонил около девяти вечера, когда она стояла возле раковины и пыталась заставить себя выпить воды. Татьяна резко обернулась, едва не уронив стакан, и на секунду решила, что это Вадим. Она поспешно взяла аппарат, но на экране высветилось имя дочери. Татьяна почувствовала облегчение и одновременно испуг: ей предстояло рассказать Даше о том, что произошло, а она не представляла, с каких слов начать. Девочке было двадцать три года, она давно жила отдельно, работала и постепенно устраивала собственную жизнь. Татьяна не хотела, чтобы дочь узнала об отцовской измене из чужих разговоров, однако сегодня у неё просто не хватило сил позвонить самой.

— Дашенька, привет, — произнесла она, стараясь придать голосу обычное звучание. Она присела на стул и торопливо провела ладонью по щекам, словно дочь могла увидеть её слёзы через телефон. — Ты чего так поздно? Что-то случилось?

В трубке несколько секунд было тихо. Затем Даша тяжело вздохнула, и Татьяна почувствовала, как снова неприятно сжалось сердце. Дочь явно знала что-то о сегодняшнем вечере, но почему-то не торопилась начинать разговор. Татьяна машинально посмотрела на часы,

вспомнила, что Вадим мог уже добраться до Алины, и вдруг испугалась, что муж успел позвонить дочери раньше неё.

— Мам, папа мне сейчас звонил, — сказала Даша после паузы. Она говорила осторожно, подбирая слова. — Он сказал, что вы решили разойтись. И что ты сегодня очень сильно расстроилась, поэтому он попросил меня пока тебя не тревожить. Мам, что у вас происходит? Почему ты сама мне ничего не рассказала?

Татьяна закрыла глаза и крепко прижала телефон к уху. Она не знала, что именно сообщил дочери Вадим, но уже по первым словам поняла: он успел представить случившееся так, как было удобно ему самому. Ей хотелось немедленно рассказать Даше всё, начиная с кольца и заканчивая тем, как отец хватал её за руку, но горло снова сжалось, и несколько секунд она не могла выговорить ни слова. Даша обеспокоенно звала её, спрашивала, слышит ли мама, а Татьяна смотрела на пустую чашку, оставшуюся на кухонном столе, и пыталась справиться с дыханием.

— Даш, мы ничего не решали, — наконец произнесла она, с трудом удерживая голос. — Твой отец привёл домой другую женщину. Я только сегодня об этом узнала, понимаешь? И он отдал ей бабушкино кольцо, которое обещал отнести в ремонт.

Дочь замолчала. Татьяна услышала, как та глубоко вдохнула, и уже приготовилась к вопросам, но ответ оказался совсем не таким, какого она ожидала. В голосе Даши прозвучало растерянное недоверие, от которого Татьяне стало ещё больнее.

— Мам, подожди, пожалуйста, — попросила дочь. Она явно пыталась сопоставить услышанное с тем, что недавно рассказал отец. — Он сказал, что ты сама разрешила забрать какое-то старое кольцо, а потом передумала и из-за этого вы страшно поссорились. Мам, я ничего не понимаю. Он же сказал, что вы с ним уже давно обо всём договорились.

Татьяна медленно опустила свободную руку на стол. За сегодняшний вечер она много раз думала, что хуже уже не будет, и каждый раз ошибалась. Теперь выяснялось, что Вадим не просто ушёл с другой женщиной и отдал ей кольцо её матери, но ещё и успел рассказать собственной дочери, будто всё происходило по обоюдному согласию. Татьяна посмотрела на фотографию Даши, стоявшую возле телевизора, и почувствовала, как по щекам снова потекли слёзы.

— Нет, доченька, — ответила она, уже не пытаясь скрывать рыдания. — Я ничего ему не разрешала. Я отдала кольцо твоему отцу, потому что он обещал сделать мне подарок к нашей годовщине. А сегодня я увидела его на руке у другой женщины.

На другом конце связи снова наступила тишина. Татьяна слышала только дыхание дочери и какие-то далёкие звуки, доносившиеся из её квартиры. Потом Даша тихо попросила маму никуда не уходить и сказала, что завтра обязательно приедет. Татьяна хотела ответить, что с ней всё в порядке и приезжать необязательно, но не смогла заставить себя произнести привычные успокаивающие слова. Она только согласилась, положила телефон на стол и долго сидела неподвижно, вспоминая, как ещё утром собиралась отпраздновать двадцать пятую годовщину свадьбы.

Глава 2. Двадцать пятая годовщина

Утром Татьяна проснулась от звонка в дверь и несколько секунд не могла понять, почему лежит поперёк кровати, а рядом никого нет. За окном было уже светло, сквозь неплотно задёрнутые шторы проникал сероватый февральский свет, и в квартире стояла непривычная тишина. Обычно в это время Вадим собирался на работу, открывал шкаф, искал чистую рубашку и недовольно спрашивал, куда она убрала его часы. Татьяна машинально повернула голову к пустой половине постели, затем вспомнила вчерашний вечер и почувствовала, как болезненно сжалось сердце. Она уснула только под утро, после нескольких часов бесплодных попыток успокоиться, и теперь тело ломило от неудобной позы, а глаза саднило так, словно под веки насыпали песка. Звонок повторился, и Татьяна с трудом поднялась, накинула халат поверх ночной рубашки и пошла открывать, не потрудившись даже посмотреть в глазок.

За дверью стояла Даша с большим бумажным пакетом в руках. Она была одета в короткую светлую куртку, на шапке блестели растаявшие снежинки, а на лице застыло выражение такой тревоги, что Татьяне сразу захотелось её успокоить. Дочь внимательно посмотрела на мать, перевела взгляд на её растрёпанные волосы и опухшие глаза, затем молча шагнула в прихожую. Пакет она поставила на тумбочку, сняла куртку и обняла Татьяну, крепко прижавшись щекой к её плечу. Та сначала попыталась улыбнуться, но губы дрогнули, и вместо обычного приветствия получилось какое-то жалкое всхлипывание.

— Мамочка, ну что же ты так, — тихо сказала Даша, поглаживая её по спине. Она отстранилась, чтобы посмотреть матери в лицо, и осторожно убрала прядь волос с её щеки. — Ты совсем не спала? Я тебе утром звонила, но ты не отвечала. Я уже испугалась и решила сама приехать.

— Спала немного, просто поздно легла, — ответила Татьяна, стараясь справиться с голосом. Она взяла дочь за руку и повела на кухню, словно обычные домашние хлопоты могли помочь обеим успокоиться. — Ты чего так рано? Тебе ведь на работу нужно. Я же вчера сказала, что со мной всё нормально.

Даша посмотрела на неё с явным сомнением, но спорить не стала. Она объяснила, что договорилась приехать на работу позже, а по дороге зашла в пекарню и купила свежего хлеба, творога и каких-то булочек, которые мать прежде очень любила. Татьяна открыла пакет, увидела аккуратно завёрнутую выпечку и неожиданно почувствовала себя ещё несчастнее. Дочь уже выросла, жила отдельно, сама зарабатывала и теперь приехала кормить её завтраком, потому что отец решил уйти к другой женщине. Татьяна поспешно отвернулась к чайнику, чтобы Даша не заметила новых слёз, и только тогда увидела, что на кухне по-прежнему стоит смятая коробка с пирожными. Рядом лежала праздничная скатерть, которую она вчера так и не убрала.

— Мам, ты хоть ела что-нибудь? — спросила Даша, доставая продукты из пакета. Она заметила нетронутую коробку и нахмурилась. — Давай я сделаю нам завтрак. Ты садись, пожалуйста, я сама всё найду.

— Не надо, я не больная, — раздражённо ответила Татьяна, хотя понимала, что дочь просто пытается позаботиться о ней. Она открыла шкафчик, достала две чашки и поставила их на стол. — Я могу сама чай налить. Ты лучше расскажи, что тебе отец вчера наговорил. Мне очень интересно, как он объяснил всё это.

Даша замялась и принялась разворачивать хлеб, хотя тот уже был нарезан. Татьяна заметила её нерешительность и сразу напряглась. Вчера во время телефонного разговора она была слишком расстроена, чтобы подробно расспрашивать дочь, однако теперь вспомнила её слова о добровольно переданном украшении. Само предположение, что Вадим мог представить слу-

чившееся обычной семейной ссорой, вновь заставило её сердиться. Она села за стол, положила ладони перед собой и стала ждать ответа.

— Он сказал, что давно собирался с тобой поговорить, — начала Даша, осторожно подбирая слова. Она придвинула к матери чашку и сама села напротив. — Что у вас уже несколько лет всё плохо, вы почти не общаетесь, а теперь он встретил другую женщину и решил уйти. Про кольцо он сказал, что ты сама разрешила ему забрать какой-то старый подарок. Я вчера уже поняла, что это не так, но, мам, мне всё равно трудно разобраться, почему он вообще решил, что может так поступить.

— А ты у него не спросила? — Татьяна резко подняла голову, почувствовав новый прилив обиды. Она видела, что дочь старается быть осторожной, но не могла избавиться от ощущения, будто ей снова приходится доказывать очевидное. — Не спросила, почему он решил распоряжаться моей вещью? Или почему привёл любовницу прямо сюда, пока я была на работе?

— Спросила, мам, конечно, спросила, — ответила Даша, и в её голосе впервые появилось раздражение. Она поправила рукав свитера и отвела взгляд. — Он сказал, что хотел поговорить с тобой дома, что Алина приехала ненадолго и всё получилось случайно. Я не оправдываю его. Просто пытаюсь понять, что именно произошло, потому что вы говорите совершенно разные вещи.

Татьяна хотела немедленно ответить, что никаких разных вещей здесь нет, что отец лжёт, а дочь почему-то продолжает его слушать, но сдержалась. Даша сидела напротив, усталая после собственного тревожного вечера, и явно не знала, как правильно разговаривать с матерью. Ей было двадцать три года, но для Татьяны она всё ещё оставалась той девочкой, которую приходилось утешать после школьных неприятностей. Теперь всё оказалось наоборот, и принять это было трудно. Она взяла чашку, сделала глоток слишком горячего чая и болезненно поморщилась.

— Я понимаю, что кольцо бабушкино, — осторожно продолжила Даша, воспользовавшись наступившей паузой. Она положила ладонь на стол рядом с материнской рукой, но не решилась сразу коснуться её. — И понимаю, что папа не должен был ничего отдавать. Просто, может быть, сейчас не стоит так мучить себя именно из-за украшения? Можно ведь подобрать что-нибудь похожее или заказать такое же, если оно тебе настолько дорого. Я знаю, что тебе неприятно, когда его носит другая женщина, но ведь главное сейчас совсем не золото.

Татьяна медленно поставила чашку на блюдце. Она смотрела на дочь и не сразу могла поверить, что та действительно предлагает заменить мамино кольцо другим. Вчера Вадим говорил почти то же самое, только гораздо грубее, а теперь похожие слова прозвучали из уст Даши. Татьяна почувствовала, как внутри снова поднимается болезненная злость. Ей хотелось закричать, что никто из них не понимает, какой ценой досталась ей эта вещь, что мать больше никогда не сможет подарить ей другое украшение, но прежде чем она успела ответить, Даша добавила ещё несколько слов.

— Я просто не хочу, чтобы ты из-за этого ещё больше страдала, — сказала она, заметив перемену в лице матери. Даша придвинулась ближе и попыталась взять её за руку. — Папа ведёт себя отвратительно, я с этим не спорю. Но если он отказывается возвращать кольцо, может быть, стоит подумать, как пережить всё остальное, а не позволять ему каждый день тебя доводить?

— Пережить остальное? — переспросила Татьяна, резко отдёрнув руку. Она поднялась так быстро, что стул скрипнул по полу. — Даша, ты вообще понимаешь, о каком кольце говоришь? Ты помнишь бабушкины руки? Помнишь, как она тебе волосы заплетала, как сидела возле окна и вязала твои варежки? На ней всегда было это кольцо. Всегда! А теперь твой отец надел его на свою любовницу, и ты предлагаешь мне заказать такое же?

Даша побледнела и тоже встала. Татьяна уже понимала, что кричит на дочь, которая приехала помочь, но остановиться не могла. Слишком многое произошло за последние сутки, слиш-

ком часто от неё требовали вести себя разумно и уступать ради чужого удобства. Теперь даже Даша, единственный человек, от которого она ждала безусловного понимания, заговорила о замене. Татьяна отвернулась, чтобы не видеть её растерянного лица, и пошла в гостиную, где в нижнем отделении шкафа хранились семейные альбомы.

Она выдвинула тяжёлый ящик, достала большой альбом в тёмно-зелёной обложке и вернулась на кухню. Даша стояла возле стола, прижимая ладони к животу, и явно не знала, что делать дальше. Татьяна положила альбом перед ней, открыла несколько страниц и принялась перелистывать фотографии. На первых снимках были молодые родители, затем сама Татьяна в школьной форме, семейные праздники, поездки на дачу, старые квартиры и давно умершие родственники. Она остановилась на фотографии, сделанной незадолго до её свадьбы. Мать сидела возле окна в светлой блузке, улыбалась фотографу и держала в руках чашку. На безымянном пальце хорошо было видно кольцо со светлым камнем.

— Посмотри, — попросила Татьяна уже гораздо тише, хотя голос всё ещё дрожал. Она придвинула альбом к дочери и коснулась пальцем края фотографии. — Вот оно. Помнишь? Бабушка всегда его носила. Когда я выходила за твоего отца, она сняла его с собственной руки и подарила мне. Сказала, что хочет, чтобы у меня осталась вещь, которая была с ней почти всю жизнь.

Даша наклонилась над фотографией. Несколько секунд она рассматривала снимок, затем осторожно провела пальцем по изображению бабушкиной руки. Татьяна заметила, как изменилось её лицо. Дочь явно вспомнила украшение, но прежде не связала его с тем старым подарком, о котором говорил отец. Она перевела взгляд на мать и тихо спросила, то ли это кольцо с маленькими буквами внутри, которое бабушка однажды показывала ей в детстве.

— Да, оно самое, — ответила Татьяна, присаживаясь рядом. Она раскрыла ладонь, словно могла показать украшение прямо сейчас, и почувствовала, как снова подступают слёзы. — Там инициалы твоих дедушки и бабушки и дата их свадьбы. Мама никогда не разрешала менять эту надпись. Даже когда кольцо относили чистить, всегда предупреждала, чтобы ничего внутри не трогали. А я теперь даже не знаю, что с ним будет.

Даша долго молчала. Она перевернула страницу, посмотрела на другой снимок, где бабушка держала маленькую Дашу на руках, затем вернулась к первой фотографии. Татьяна видела, что дочь постепенно осознаёт значение случившегося, но обида ещё мешала ей самой успокоиться. Она вспомнила вчерашнюю сцену, как Алина прятала руку в карман, и невольно сжала пальцы. Ей было страшно представить, что украшение могут потерять, испортить или просто оставить у человека, которому оно ничего не говорит о прожитой жизни её матери.

— Мам, прости меня, пожалуйста, — наконец произнесла Даша, закрывая альбом. Она повернулась к Татьяне и осторожно обняла её за плечи. — Я не поняла, что это именно то кольцо. Папа сказал, что оно старое, ты давно его не носила, и я подумала о каком-нибудь украшении, которое лежало в шкатулке. Я же не знала, что он забрал бабушкино кольцо под предлогом ремонта. Почему он вообще мне об этом не сказал?

— Потому что тогда тебе пришлось бы спросить, как он посмел его отдать, — ответила Татьяна и разрыдалась, уткнувшись лицом в плечо дочери. Она уже не пыталась сдерживаться, хотя понимала, что Даша тоже расстроена. — Он ведь всё прекрасно знает, Дашенька. Твой отец был на похоронах бабушки, помогал мне разбирать её вещи, видел, как я берегла это кольцо. Он не мог забыть. Не мог просто перепутать его с каким-нибудь старым подарком.

Даша крепче обняла мать и некоторое время молчала. Потом она осторожно погладила её по спине, как когда-то сама Татьяна гладила маленькую дочь после обид и ссор. Теперь роли поменялись, и от этой перемены обеим было немного неловко. Татьяна постепенно успокоилась, вытерла лицо и попросила у дочери прощения за крик. Даша отрицательно покачала головой, но всё же призналась, что ей было больно услышать от матери слова о предательстве.

Они ещё долго сидели возле раскрытого альбома, вспоминая бабушку, её привычки и семейные праздники, пока чай в чашках окончательно не остыл.

Ближе к полудню Татьяна вспомнила о праздничном ужине, который собиралась устроить вечером. Она заказала небольшой набор закусок в кулинарии возле дома, договорилась забрать приготовленное после пяти и заранее попросила оставить для неё понравившийся торт. Теперь все эти приготовления казались мучительно нелепыми, но кто-то должен был позвонить и предупредить, что заказ больше не нужен. Татьяна несколько минут сидела с телефоном в руках, пытаясь подобрать подходящие слова, а потом набрала номер. Когда женщина на другом конце провода уточнила, всё ли остаётся в силе, у Татьяны неприятно сжалось горло.

— Нет, к сожалению, придётся отменить, — сказала она, стараясь говорить обычным деловым тоном. Она посмотрела на Дашу, которая молча убирала со стола вчерашние чашки. — У нас изменились обстоятельства, поэтому ужин сегодня не состоится. Простите, что так поздно предупреждаю.

Сотрудница кулинарии уточнила, не хочет ли Татьяна перенести заказ на другой день, и та едва не расплакалась прямо во время разговора. Ей пришлось несколько раз повторить, что переносить ничего не нужно, а затем выслушать объяснение о приготовленных продуктах и части заказа, за которую деньги уже не вернут. Татьяна поспешно согласилась, поблагодарила женщину и закончила разговор. Она понимала, что собеседнице совершенно безразличны причины отмены, однако всё равно чувствовала себя так, словно незнакомый человек только что узнал о самом унизительном событии её жизни.

После этого она открыла переписку с небольшой гостиницей, куда собиралась поехать с Вадимом в конце февраля. Несколько недель назад Татьяна выбрала номер, рассчитала расходы и внесла небольшую предоплату, не сказав мужу о готовящемся сюрпризе. Она хотела провести с ним три дня вдали от работы, погулять по незнакомым улицам, сходить в ресторан и наконец побыть вдвоём. Денег пришлось откладывать несколько месяцев, потому что основную часть заработка она по привычке тратила на дом и необходимые покупки. Теперь Татьяна смотрела на фотографии уютного номера с большим окном и не могла представить, что ещё совсем недавно выбирала его с таким удовольствием.

— Может, не надо отменять? — осторожно предложила Даша, заглянув ей через плечо. Она села рядом и посмотрела на фотографии. — Поезжай сама или со мной. Я могу взять несколько выходных, если получится. Мы давно никуда вместе не выбирались.

Татьяна покачала головой. Она была благодарна дочери за предложение, но сейчас одна мысль о поездке вызывала почти физическое отвращение. Ей казалось, что в выбранной гостинице всё будет напоминать о человеке, ради которого она затеяла этот маленький праздник. Она объяснила, что пока не готова куда-либо ехать, а Даша не стала настаивать. Вместе они написали короткое сообщение об отмене бронирования, после чего Татьяна закрыла телефон и отложила его подальше.

К двум часам дня Даше пришлось ненадолго заняться рабочими делами. Она устроилась с ноутбуком в гостиной, а Татьяна попыталась привести кухню в порядок. Праздничная скатерть так и лежала на стуле, коробка с пирожными стояла возле холодильника, и всё это раздражало её сильнее, чем оставшиеся после вчерашней ссоры пятна. Она убрала скатерть обратно в шкаф, переложила пирожные в контейнер и вымыла чашки. Руки двигались привычно, но стоило ей остановиться хотя бы на минуту, как перед глазами снова появлялась Алина с маминым кольцом на пальце. Татьяна несколько раз подходила к телефону, проверяла сообщения и снова возвращалась к своим делам, не желая признавать, что по-прежнему ждёт звонка Вадима.

Он позвонил около четырёх. Татьяна как раз складывала чистые полотенца, когда услышала знакомую мелодию, и несколько секунд смотрела на экран, не решаясь ответить. Ей хотелось услышать извинение, хотя она уже не могла представить, какими словами муж сумеет

исправить произошедшее. Даша вышла из комнаты, заметила имя на экране и молча остановилась в дверях. Татьяна глубоко вдохнула, приняла вызов и постаралась говорить спокойно.

— Да, Вадим, я слушаю, — произнесла она, сжимая телефон. Она чувствовала, что дочь стоит неподалёку, и от этого ей было ещё труднее сохранять самообладание. — Ты по поводу кольца звонишь? Решил наконец вернуть?

— Таня, я сейчас приеду за вещами, — ответил муж, проигнорировав вопрос. На заднем плане слышались какие-то голоса и шум машин. — Мне нужны рубашки, костюм и кое-что из документов. Я ненадолго, так что не начинай опять вчерашнее. Просто дай спокойно забрать необходимое.

Татьяна почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость. Сегодня была их двадцать пятая годовщина, а муж звонил с просьбой подготовить ему одежду, словно ничего особенного не произошло. Он даже не упомянул дату, не спросил, как она себя чувствует после вчерашнего вечера, и вновь заранее предупредил, чтобы она не устраивала сцен. Татьяна хотела немедленно высказать всё это, но Даша осторожно коснулась её плеча, и она заставила себя сделать несколько глубоких вдохов.

— Приезжай, — ответила она после паузы. Голос прозвучал гораздо холоднее, чем ей хотелось. — Только я хочу получить обратно мамино кольцо. Ты вчера обещал, что мы поговорим, когда я успокоюсь. Вот я и спрашиваю сейчас: ты его привезёшь?

— Не начинай, пожалуйста, — раздражённо сказал Вадим. Он явно не ожидал, что жена снова заговорит об украшении прежде, чем он успеет изложить свои требования. — Я же сказал, что сейчас мне нужно забрать вещи. Остальное обсудим потом. Буду минут через сорок.

Он закончил разговор, не дожидаясь ответа. Татьяна медленно опустила телефон, затем посмотрела на дочь, которая всё ещё стояла рядом. Ей хотелось бросить аппарат на пол, закричать, что она больше не намерена выполнять приказы мужа, но вместо этого она пошла в спальню и открыла шкаф. Даша последовала за ней, молча наблюдая, как мать снимает с плечиков рубашки, достаёт из ящиков бельё и складывает всё в большую дорожную сумку. Несколько раз Татьяна останавливалась, потому что какая-нибудь привычная вещь внезапно вызывала воспоминания: рубашка, купленная перед отпуском, свитер, который она подарила Вадиму на прошлый Новый год, домашние брюки с собственноручно подшитыми штанинами.

— Мам, давай я помогу, — предложила Даша, когда увидела, что Татьяна снова стоит с рубашкой в руках. Она подошла к шкафу и осторожно взяла несколько плечиков. — Ты скажи, что ему нужно, я всё сложу. Не обязательно тебе самой это делать.

— Нет, я справлюсь, — ответила Татьяна и неожиданно расплакалась. Она поспешно положила рубашку на кровать, закрыла лицо ладонями и несколько секунд пыталась успокоиться. — Господи, Даша, я же сама ему всё это покупала. Он даже не знает, где у него половина вещей лежит. Сейчас придёт, заберёт, а потом будет жить с другой женщиной, и она станет складывать ему эти рубашки в шкаф. Как же мне всё это противно!

Даша обняла мать, но ничего не сказала. Татьяна постепенно справилась с рыданиями, вытерла лицо и продолжила собирать вещи. Она не хотела, чтобы Вадим снова ходил по спальне, открывал ящики и распоряжался пространством, в котором ещё вчера они жили вместе. К его приезду сумка стояла в прихожей, рядом лежал пакет с рабочими бумагами и зарядными устройствами, которые он просил не забыть. Татьяна несколько раз проверила содержимое, хотя ненавидела себя за привычное старание всё сделать правильно даже для человека, который только что её предал.

Вадим приехал без цветов и каких-либо признаков того, что помнил о годовщине. На нём было тёмное пальто, которое Татьяна выбирала вместе с ним прошлой осенью, волосы аккуратно уложены, лицо гладко выбрито. Он выглядел отдохнувшим, и это сразу бросилось ей в глаза. Татьяна вспомнила собственную бессонную ночь, опухшие веки и дрожащие руки и почувствовала новую волну обиды. Муж прошёл в прихожую, заметил приготовленную сумку

и коротко кивнул, словно жена всего лишь выполнила очередное поручение. Увидев Дашу, он на мгновение смутился, но быстро взял себя в руки.

— Привет, доченька, — сказал Вадим, пытаясь обнять её за плечи. Даша позволила ему коснуться себя, но не ответила привычной улыбкой. — А ты что здесь делаешь? Я думал, ты сегодня работаешь.

— Приехала к маме, — ответила она, отступая на шаг. Её голос был ровным, но Татьяна заметила напряжение в лице дочери. — Пап, мы можем поговорить о том, что ты вчера устроил? Я хочу понять, почему ты отдал бабушкино кольцо Алине.

Вадим нахмурился. Очевидно, он рассчитывал быстро забрать вещи и уехать, а присутствие дочери заметно осложняло этот план. Он посмотрел на Татьяну, и та сразу поняла, кого муж считает виноватым в возникшем разговоре. В его взгляде было столько раздражённого упрёка, что ей захотелось немедленно возразить, хотя она ещё не произнесла ни слова.

— Таня, я ведь просил не вмешивать Дашу в наши отношения, — сказал он, снимая перчатки. Вадим положил их на тумбочку и посмотрел на жену с привычным выражением недовольства. — Мы взрослые люди, можем разобраться сами. Зачем ты сейчас настраиваешь дочь против меня?

— Я никого не настраиваю, — резко ответила Татьяна, почувствовав, как снова краснеет лицо. Она подошла ближе и указала на сумку возле двери. — Даша сама приехала, потому что ты вчера успел рассказать ей, будто я разрешила подарить мамино кольцо. Ты ей даже не объяснил, о каком украшении речь. А теперь ещё обвиняешь меня?

— Я никого не обманывал, — возразил Вадим, однако уже не так уверенно. Он повернулся к дочери и попытался улыбнуться. — Даш, ты же понимаешь, что сейчас мама очень расстроена. Я действительно взял кольцо с её согласия. Да, мы потом не сошлись во мнениях, но делать из этого такую историю совершенно необязательно.

Даша посмотрела на отца с недоумением. Она явно ожидала хотя бы попытки объяснить, почему он забрал вещь, принадлежавшую бабушке, но услышала знакомые слова о чрезмерной реакции матери. Татьяна почувствовала, что снова не выдержит, и сжала ладони, заставляя себя молчать. Ей хотелось, чтобы дочь сама услышала отца и поняла, как он теперь разговаривает с ними обеими.

— Пап, ты же прекрасно знал, что это бабушкино кольцо, — произнесла Даша после паузы. Она сделала шаг навстречу, стараясь поймать его взгляд. — Ты знал, что там гравировка дедушки и бабушки. Почему ты вообще решил, что можешь подарить его Алине? Мама сказала, что ты обещал отнести кольцо в ремонт. Это правда?

Вадим тяжело вздохнул и отвернулся. Татьяна заметила, как он сжал губы, сдерживая раздражение. Весь разговор явно казался ему неприятной формальностью, которую необходимо пережить, прежде чем вернуться к собственным делам. Он даже не попытался отрицать обещание ремонта, но сразу же заговорил о другом.

— Да, я собирался его отнести, — признал он, поправляя воротник рубашки. — Потом обстоятельства изменились. Кольцо лежало у нас без дела, Таня давно его не носила, а Алине оно очень понравилось. Я подумал, что ничего страшного не случится, если подарю его. В конце концов, я могу купить Татьяне другое украшение, гораздо лучше этого старого кольца.

Татьяна почувствовала, как её снова охватывает отчаяние. Ей хотелось взять мужа за плечи и встряхнуть, заставить услышать, насколько ужасно звучат его слова. Он говорил о замене так уверенно, словно мать Татьяны была ещё жива и могла просто пойти в магазин за новым подарком. Даша тоже смотрела на отца с явным недоверием, но Вадим, похоже, не замечал перемены в её лице.

— Ты можешь купить мне хоть десять колец, Вадим, — сказала Татьяна, стараясь говорить отчётливо. Она подошла к комоду, на котором стояла шкатулка, и взяла её в руки. — Только ни одно из них не будет тем, которое мама носила почти сорок лет. Ни на одном не ока-

жется её памяти, понимаешь? Ты ведь был рядом, когда она умерла. Ты помогал мне выбирать одежду для похорон, стоял возле гроба, держал меня за руку. Как ты теперь можешь говорить, что это обычная старая вещь?

Вадим отвёл взгляд и заметно поморщился. Татьяна видела, что воспоминания о смерти тёщи не вызывают у него желания продолжать разговор. Он считал всё это ненужными подробностями, которые жена намеренно использует, чтобы выставить его жестоким человеком. Когда она поставила шкатулку перед ним и открыла пустое отделение, муж раздражённо пожал плечами.

— Таня, ну хватит уже, — произнёс он, повышая голос. — Я понимаю, что ты расстроена, но нельзя же всю жизнь цепляться за старые вещи. Твоей мамы, к сожалению, давно нет, и никакое кольцо этого не изменит. Я готов купить тебе новое, хорошее, какое сама выберешь. Что ещё ты от меня хочешь?

Татьяна застыла с открытой шкатулкой в руках. Она услышала собственное тяжёлое дыхание и почувствовала, как по щекам снова покатились слёзы. Рядом стояла Даша, которая тоже побледнела после отцовских слов. Татьяна не могла поверить, что человек, проживший с ней двадцать пять лет, способен настолько равнодушно говорить о смерти её матери. Ей захотелось немедленно выгнать его, но одновременно она продолжала надеяться, что Вадим увидит её слёзы и хотя бы на мгновение почувствует раскаяние.

— Я хочу своё кольцо, — ответила она после долгой паузы. Голос прозвучал тихо, но слова дались ей с огромным усилием. — Больше ничего. Верни мне то, что взял, и можешь покупать Алине всё, что захочешь, за собственные деньги.

Вадим потёр переносицу и снова посмотрел на часы. Он явно собирался закончить разговор, но требование жены продолжало раздражать его. Татьяна уже заметила, что всякий раз, когда речь заходила о кольце, он начинал вести себя так, словно она мешает ему выполнить какие-то важные обязательства перед Алиной. Теперь это ощущение подтвердилось.

— Ты пойми, что я поставил Алину в очень неловкое положение, — сказал он, стараясь говорить спокойнее. — Я подарил ей кольцо как серьёзный знак своих намерений. Она его приняла, радуется, носит. А теперь я должен прийти и сказать, что бывшая жена передумала и требует всё обратно? Ты представляешь, как это будет выглядеть?

Татьяна смотрела на него, не веря собственным ушам. Он всерьёз беспокоился о том, что Алина почувствует себя неловко, если придётся снять украшение. При этом он совершенно не задумывался, каково было Татьяне увидеть мамино кольцо на чужой руке и услышать признание в измене накануне годовщины. Даша первой нарушила молчание, и в её голосе прозвучала такая злость, что Татьяна невольно повернулась к дочери.

— Пап, а как это выглядело для мамы, ты вообще подумал? — спросила Даша, скрестив руки на груди. Она смотрела на отца с явным разочарованием. — Ты обманул её, забрал бабушкино кольцо, подарил другой женщине, а теперь переживаешь, что Алине будет неудобно его возвращать. Почему тебе не неудобно перед мамой?

Вадим резко повернулся к дочери. Татьяна увидела, что он окончательно потерял терпение. Раньше Даша редко спорила с ним, особенно в вопросах, касавшихся родителей, и теперь её прямое возмущение явно стало неприятной неожиданностью. Муж на несколько секунд замолчал, затем посмотрел на Татьяну с холодным раздражением.

— Вот именно этого я и не хотел, — сказал он, обращаясь прежде всего к жене. — Теперь ты ещё и дочь втянула в нашу ссору. Прекрасно, Таня, просто замечательно. Не думал, что ты опустишься до того, чтобы использовать Дашу против меня.

— Не смей так разговаривать с мамой, — резко ответила дочь, шагнув вперёд. Она уже не пыталась скрывать гнев. — Я сама тебя спросила. Мне двадцать три года, папа, и я прекрасно понимаю, что происходит. Не надо делать вид, будто мама заставила меня что-то говорить.

Татьяна почувствовала благодарность к дочери, но одновременно ей стало мучительно тяжело оттого, что Даше приходится защищать мать перед собственным отцом. Она всю жизнь старалась не втягивать ребёнка в супружеские конфликты. Даже когда они с Вадимом серьёзно ссорились, Татьяна обычно просила его не выяснять отношения при дочери, а теперь всё происходило прямо у неё на глазах. Вадим же, похоже, не испытывал особенной неловкости. Он лишь недовольно покачал головой и поднял приготовленную сумку.

— Ладно, я вижу, что сегодня здесь нормально поговорить невозможно, — заявил он, направляясь к двери. Он поставил сумку возле порога и принялся надевать пальто. — Остальные вещи заберу позже. Таня, давай хотя бы без самодеятельности. Я заранее позвоню, договоримся о времени и всё спокойно решим.

Татьяна неожиданно почувствовала, что больше не хочет слушать ни одного его объяснения. Она подошла к сумке, подняла её и резко подтолкнула мужу. Тяжёлый край ударился о его ногу, и Вадим недовольно отступил. Даша вздрогнула от неожиданности, но не стала вмешиваться. Татьяна стояла перед мужем, сжимая пустую ручку сумки, и чувствовала, как дрожат руки.

— Забирай и уходи, — сказала она, с трудом удерживая слёзы. — Я не хочу тебя сейчас видеть. Остальное соберу сама, и приедешь только тогда, когда мы заранее договоримся. Я больше не собираюсь сидеть здесь и ждать, пока ты решишь, когда тебе удобно зайти.

Вадим посмотрел на неё с откровенным неудовольствием. Несколько секунд он словно собирался ответить резкостью, но присутствие дочери заставило его сдержаться. Он поднял сумку, поправил ремень на плече и открыл дверь. Татьяна стояла неподвижно, а Даша отошла в сторону, не желая прощаться с отцом привычным объятием.

— И всё-таки я надеюсь, что ты придёшь в себя, — произнёс Вадим уже с порога. Его голос снова стал спокойными снисходительным. — Нам ещё много чего нужно будет решить, и я не собираюсь каждый раз участвовать в подобных сценах. Подумай об этом, Таня.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Татьяна несколько секунд смотрела на закрытую дверь, затем медленно повернулась к дочери. Та стояла возле зеркала, сжав губы и явно стараясь не расплакаться. Татьяна хотела сказать, что всё хорошо, но не смогла. Вместо этого она подошла к Даше, обняла её и снова разрыдалась. Теперь ей было больно не только за себя, но и за дочь, которая за один день увидела отца совсем другим человеком.

Они долго сидели в гостиной, не включая телевизор. Даша рассказывала о своём утреннем разговоре с отцом, вспоминала отдельные его фразы, которые теперь казались ей особенно неприятными, а Татьяна постепенно успокаивалась и начинала вспоминать собственные прежние обиды. Ей приходили в голову мелочи, на которые она годами старалась не обращать внимания: постоянное раздражение Вадима, когда она просила помощи, его нежелание ездить к её матери в последние месяцы болезни, привычка отмахиваться от разговоров, которые казались ему неважными. Татьяна не хотела превращать всю прожитую жизнь в сплошную череду несчастий, потому что помнила и хорошие годы, и настоящую близость. Но теперь ей было мучительно трудно отделить прежнего мужа от человека, который сегодня пришёл за рубашками и потребовал понять чувства своей любовницы.

Ближе к вечеру Даша заказала ужин и заставила мать съесть хотя бы немного горячей еды. Они сидели на кухне, и Татьяна то и дело ловила себя на желании поставить третью тарелку или спросить, когда Вадим вернётся домой. Каждый раз ей приходилось напоминать себе, что он больше не придёт к ужину, а если и появится, то только за оставшимися вещами. Даша пыталась отвлекать её разговорами о работе, смешной истории с коллегой, новых шторах, которые собиралась купить в свою квартиру. Татьяна слушала, иногда даже улыбалась, но мысли постоянно возвращались к мужу. Особенно тяжело было смотреть на часы: сегодня они должны были отмечать двадцать пятую годовщину, а вместо этого она сидела с дочерью и пыталась заставить себя проглотить несколько ложек супа.

После ужина Даша предложила остаться на ночь. Она могла утром поехать на работу прямо отсюда, а мать не пришлось бы оставлять одну после столь тяжёлого дня. Татьяна на мгновение захотела согласиться, но затем представила, как дочь будет спать на диване, просыпаться от её шагов и прислушиваться к каждому вздоху. Ей стало стыдно за собственную беспомощность, и она принялась убеждать Дашу, что вполне справится сама. Та несколько раз переспросила, уверена ли мать, а потом всё же согласилась уехать, взяв обещание обязательно позвонить перед сном.

— Мам, ты только не вздумай сейчас сама ему звонить и опять всё объяснять, — попросила Даша, уже надевая куртку. Она посмотрела на мать с такой серьёзностью, что Татьяна почувствовала себя школьницей, которой дают последние наставления перед трудным экзаменом. — Он прекрасно понял, что ты ему сказала. Если захочет вернуть кольцо, сам позвонит. А ты хотя бы сегодня постарайся отдохнуть.

— Постараюсь, доченька, — ответила Татьяна, поправляя воротник её куртки. Она заметила, что Даша тоже устала, и осторожно погладила её по щеке. — Ты не переживай так за меня. Я ведь взрослая женщина, справлюсь как-нибудь. Просто всё слишком неожиданно получилось.

Даша обняла её, ещё раз попросила позвонить и ушла. Татьяна закрыла дверь, вернулась на кухню и некоторое время просто стояла возле стола, не зная, за что взяться. В квартире снова стало тихо. Она вымыла оставшиеся тарелки, убрала еду в холодильник, аккуратно сложила полотенца, которые утром так и не успела убрать. Все эти мелкие дела занимали руки, но совсем не помогали справиться с мыслями. Время от времени Татьяна поглядывала на телефон, хотя сама обещала дочери не звонить Вадиму. От него не было ни сообщений, ни пропущенных вызовов.

Около десяти вечера она пошла в спальню и открыла шкаф. На месте рубашек мужа теперь осталось несколько пустых плечиков, а в нижнем ящике лежали его домашние вещи, которые он пока не забрал. Татьяна осторожно провела ладонью по сложенному свитеру и вдруг вспомнила, как несколько недель назад Вадим вернулся поздно вечером и пожаловался, что совершенно вымотался на работе. Она тогда разогрела ему ужин, села рядом и долго слушала рассказ о неприятном разговоре с начальником. Муж был раздражён, отвечал коротко, но в конце всё-таки поблагодарил её и даже поцеловал в висок. Татьяна тогда обрадовалась этому поцелую, потому что в последнее время нежности между ними почти не осталось.

Теперь ей мучительно захотелось узнать, где Вадим был на самом деле в тот вечер. Возможно, он действительно задержался на работе, а потом поехал к Алине. Возможно, они уже тогда строили какие-то планы, обсуждали поездки и смеялись над тем, как удобно ему удаётся скрывать новую жизнь. Татьяна понимала, что не может знать этого наверняка, но мысли всё равно возвращались к прошлым месяцам. Она вспоминала неожиданные командировки, телефонные звонки, на которые муж выходил отвечать в коридор, вечера, когда он говорил, что хочет побыть один. Ей хотелось восстановить всё по дням и понять, когда именно она перестала быть для него женой.

Она села на кровать и взяла телефон. Даша недавно прислала сообщение, спрашивая, как мама себя чувствует, и Татьяна ответила коротко, что собирается спать. Затем открыла переписку с Вадимом и долго смотрела на его фотографию. Муж улыбался на снимке, сделанном несколько лет назад во время летнего отпуска. Тогда они стояли на набережной, было жарко, Даша ещё училась в институте, и Татьяна помнила, как Вадим обнимал её за талию, пока дочь фотографировала родителей. Ей стало невыносимо больно от мысли, что этот человек теперь спит рядом с другой женщиной.

Татьяна закрыла переписку, положила телефон на тумбочку и попыталась лечь. Через несколько минут она снова взяла аппарат, открыла окно сообщений и набрала несколько слов. Она хотела спросить мужа, где он находится, но стёрла написанное. Затем попыталась напи-

сать о кольце, однако поняла, что уже много раз повторяла одну и ту же просьбу. Вадим прекрасно знал, что украшение принадлежит её матери, и ещё одно объяснение ничего не изменит. Татьяна выключила экран, положила телефон рядом и закрыла глаза, но почти сразу услышала, как на площадке остановился лифт.

Она поднялась на локте и прислушалась. За дверью послышались шаги, затем кто-то повернул ключ в соседней квартире, и всё стихло. Татьяна медленно опустилась обратно на подушку, чувствуя, как отчаянно колотится сердце. Ей стало стыдно оттого, что она действительно ждала возвращения Вадима, хотя всего несколько часов назад сама выгнала его. Она понимала, что муж теперь живёт у Алины, что он ушёл добровольно и не собирается возвращаться только потому, что сегодня их годовщина. Но привычка ждать его вечером оказалась сильнее рассудка.

Татьяна повернулась на другой бок и обнаружила, что лежит лицом к его подушке. На наволочке ещё сохранялся слабый запах знакомого одеколона, которым Вадим пользовался много лет. Она осторожно притянула подушку к себе, прижалась к ней щекой и неожиданно снова расплакалась. Ей было мучительно стыдно за собственное желание почувствовать рядом человека, который так жестоко с ней поступил, но отказаться от этого желания она не могла. Двадцать пять лет совместной жизни не исчезли за один вечер, и Татьяна никак не могла привыкнуть к тому, что теперь должна спать одна.

Ближе к полуночи она снова взяла телефон. На этот раз ей захотелось не спорить и не требовать кольцо, а просто поговорить с Вадимом, услышать от него хоть какое-нибудь объяснение. Она понимала, что поздний звонок почти наверняка разозлит мужа, поэтому открыла запись голосового сообщения. Несколько секунд Татьяна смотрела на экран, потом нажала кнопку и начала говорить, не слишком представляя, что именно хочет сказать. Первые слова давались трудно, но постепенно накопившиеся вопросы и обиды сами начали складываться в длинное признание.

— Вадим, я знаю, что ты сейчас не хочешь со мной разговаривать, — произнесла Татьяна, стараясь не плакать. Она сидела на краю кровати, прижимая свободную ладонь к колену. — Я не понимаю, когда ты перестал меня любить. Может быть, это произошло давно, а я просто не замечала. Мне казалось, что мы устали, что у тебя много работы, что у нас такой период. Я же сама пыталась что-то изменить, ты помнишь? Просила тебя поехать куда-нибудь, сходить в кино, просто провести вечер вместе. Почему ты не сказал мне раньше, что больше не хочешь быть со мной?

Она остановилась, пытаясь справиться с дыханием, но запись продолжалась. Вадиму хотелось сказать так много, что Татьяна не смогла заставить себя закончить сообщение. Она вспомнила утренние приготовления, купленные пирожные и отменённую поездку, затем посмотрела на пустую половину постели и снова заговорила. Теперь голос звучал гораздо тише, словно она обращалась к человеку, который находился совсем рядом.

— Сегодня ведь наша годовщина, Вадим, — продолжила она, чувствуя, как слёзы снова текут по лицу. — Я собиралась сделать тебе сюрприз. Хотела, чтобы мы наконец отдохнули вдвоём, без работы и постоянных звонков. А теперь я сижу здесь и даже не знаю, что делать. Я всё ещё прислушиваюсь к лифту, представляешь? Каждый раз, когда он останавливается на нашем этаже, я думаю, что это ты идёшь домой. И мне так стыдно, что я продолжаю ждать тебя после всего, что произошло.

Татьяна закрыла глаза и долго молчала. Она могла бы закончить запись, но вдруг вспомнила, как муж вчера держал Алину за плечо, защищая её от попытки забрать кольцо. Ей захотелось снова попросить вернуть украшение, только теперь без крика, спокойно, надеясь, что наедине со своими мыслями Вадим всё-таки поймёт, какую боль причинил. Она вытерла лицо рукавом ночной рубашки и продолжила, стараясь говорить отчётливо.

— Я не прошу тебя сейчас возвращаться, — сказала Татьяна, хотя сама не была уверена, что это правда. Она прижала телефон ближе ко рту, словно боялась, что муж не услышит её тихого голоса. — Если ты действительно любишь другую женщину, я не смогу удержать тебя силой. Но, пожалуйста, верни мне мамино кольцо. Ты же знаешь, как оно мне дорого. Я не могу представить, что она будет носить его каждый день, смотреть на него и считать своим подарком. У тебя есть деньги, купи ей другое. Хоть самое красивое, какое найдёшь, только не оставляй у неё мамину вещь.

Последние слова окончательно лишили её самообладания. Татьяна расплакалась так сильно, что несколько секунд не могла говорить, затем поспешно закончила запись и посмотрела на экран. Сообщение получилось длинным, почти на пять минут. Она несколько раз собиралась удалить его, опасаясь, что муж снова назовёт её истеричкой, но всё-таки отправила. Ей хотелось верить, что, услышав её голос без присутствия Алины, Вадим вспомнит хотя бы что-нибудь хорошее из их общей жизни и поймёт, что нельзя так поступать с человеком, который столько лет был рядом.

Сообщение доставилось почти сразу. Татьяна положила телефон возле подушки, выключила свет и попыталась уснуть, но ещё долго лежала с открытыми глазами. Через некоторое время экран коротко вспыхнул, и она поспешно взяла аппарат, однако это оказалось обычное уведомление от приложения. Татьяна снова открыла переписку и увидела, что голосовое сообщение прослушано. Вадим не ответил. Она ещё несколько минут смотрела на экран, затем положила телефон лицом вниз и наконец заставила себя закрыть глаза.

Утром её разбудил короткий звук входящего сообщения. Татьяна сначала подумала, что пишет Даша, но на экране высветился незнакомый номер. Она села в постели, чувствуя неприятную тяжесть после беспокойного сна, и открыла переписку. Сообщение состояло всего из нескольких строк, но уже первые слова заставили её похолодеть.

«Если вы всё ещё прислушиваетесь к лифту и думаете, что Вадим идёт домой, лучше перестаньте. Он больше не придёт. Не нужно мучить ни себя, ни его этими ночными признаниями. Алина».

Татьяна несколько раз перечитала сообщение. Сначала ей показалось, что девушка просто случайно угадала её вчерашние мысли, но слишком уж точно были повторены слова о лифте, которые она произнесла только в голосовом признании мужу. Она посмотрела на время отправки, затем открыла переписку с Вадимом и снова увидела отметку о прослушивании. Ей стало трудно дышать. Она ещё не знала, передал ли муж Алине саму запись или пересказал её содержание, но понимала, что любовница каким-то образом узнала о самом личном, что Татьяна решилась сказать человеку, с которым прожила двадцать пять лет.

Она опустила телефон на колени и долго сидела неподвижно. Затем вновь открыла сообщение Алины, словно надеялась обнаружить в нём какую-нибудь ошибку, позволяющую объяснить всё иначе. Но слова оставались прежними. Татьяна вспомнила, как ночью лежала на подушке мужа, как плакала, стараясь не разбудить соседей, и как осторожно произносила признания, которых стыдилась даже перед самой собой. Теперь эти слова оказались у женщины, носившей мамино кольцо.

Татьяна встала с кровати, подошла к окну и отдёрнула штору. Во дворе дворник сгребал снег к обочине, возле подъезда стояли машины, несколько человек торопливо шли к остановке. Всё выглядело совершенно обычно, и от этого происходящее казалось ещё страшнее. Татьяна прижала телефон к груди, чувствуя, как снова подступают слёзы. Потом открыла переписку с мужем и несколько секунд смотрела на его фотографию. Ей хотелось позвонить и спросить, как он посмел отдать другой женщине её признание, но пальцы дрожали так сильно, что она никак не могла попасть по нужной строке.

Наконец Татьяна опустилась на край кровати и набрала номер Вадима. Длинные гудки тянулись один за другим, а она всё крепче сжимала телефон, ожидая услышать знакомый голос.

Муж не отвечал. После очередного гудка Татьяна сбросила вызов, посмотрела на сообщение Алины и набрала его снова, уже не заботясь о том, какое впечатление произведут её звонки. Ей нужно было услышать от Вадима, почему он рассказал любовнице то, что она доверила только ему, и она больше не собиралась делать вид, будто ничего не произошло.

Глава 3. Её слушали вдвоём

Вадим не ответил и на второй звонок. Татьяна ещё некоторое время держала телефон возле уха, прислушиваясь к длинным гу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.